

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧИХ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX в.

В статье рассматриваются формы самоорганизации рабочих Сибири в XIX – начале XX в.: артели, кооперативы, кассы взаимной помощи.

Основой так называемого гражданского общества является способность населения к самоорганизации и самодеятельности помимо государственной политической системы, существующей за счет общества и регулирующей его жизнь. Сейчас много и горячо говорят о гражданском обществе, при этом, внимательно изучая опыт стран Запада, считают зазорным поинтересоваться опытом собственной истории, в частности опытом русской общины, артели, из которых выросли экономические организации нового индустриального мира России.

Существует богатейшая дореволюционная литература по истории русской артели. В советской и современной историографии эта тема совершенно забыта. Две мои статьи не в счет [1; 2]. Больше повезло кооперативам, обществам и кассам взаимопомощи, которые изучались как часть рабочего движения (см. труды И.А. Корякова, В.И. Зиновьевой и др.).

В настоящей статье обобщена информация об экономических рабочих организациях Сибири до революции 1905 г., в период которой они стали массовым явлением.

Исторически первой традиционной формой организации труда и общественной жизни в России была артель. Она была настолько широко распространена, что перед государством встала задача ее законодательного оформления. Впервые артель как юридический термин встречается в цеховом уставе 1799 г. Первые официально признанные артели действовали по особым правилам. Это артели грузчиков в портах, торговых перевалках и таможах в XVIII – начале XIX в.: биржевые, дрягилей – в Санкт-Петербурге, балластные и купорные – в Архангельске, ширельные и совошные – в Кяхте. Официально регистрировались земские артели сыроваров, кузнецов, сапожников в 60–70-е гг. XIX в. Однако этот опыт государственного формирования артелей оказался неудачным. Официально были признаны рабочие горнозаводские артели: Нижнетуриная (1867 г.), Екатеринбургская артель «Братство» (1871 г.), артель слесарей села Павлово [3]. В начале XIX в. на Красносельской писчебумажной фабрике артель рабочих из 200 человек договорилась с владельцем – генералом Хлебниковым – о самоуправлении предприятием [4].

Подобная же артель существовала и в Сибири. По особому артельному договору действовал в 1889–1899 гг. Абаканский металлургический завод в Енисейской губернии. Артель была образована, когда выяснилось, что владельцы завода – известные уральские предприниматели Пермикины – оказались несостоятельны и задолжали рабочим около 14 тыс. руб., а служащим – 4,7 тыс. руб. жалованья. Рабочие просили для возвращения долга передать им завод в аренду. Пять раз с 31 марта по 28 декабря 1888 г. через своего доверенного Макарова они обращались по этому поводу к губернским вла-

стям и к генерал-губернатору. Генерал-губернатор Восточной Сибири А.П. Игнатьев прошение мастеровых поддержал, поскольку желающих купить завод или взять его в аренду не находилось. Конкурсное правление по делам несостоятельного должника Г.М. Пермикина передало 14 декабря 1888 г. завод в аренду артели из 127 рабочих и служащих на основании артельного договора от 22 ноября 1888 г. Артель подписала контракт об аренде завода с полицейским управлением Минусинского округа 12 мая 1889 г. [5]. Артель нанимала рабочих и служащих, которых числилось от 500 до 900 человек. Дела артели вел староста. В разное время старостой были служащий завода Косованов, поручик в отставке Зенгбуш, бывший Минусинский исправник Куменков, а в 1894 г. артель постановила передать управление заводом в руки 12 выборных [6; 7].

Сведения об успехах артели противоречивы. Рупор частного капитала «Сибирский вестник» постоянно сообщал о неумении артели управлять предприятием, об ее зависимости от поставщиков, о доверчивости к проходимцам, о пьянстве рабочих [8]. Более компетентная горная печать сообщала о хорошем состоянии производства [9]. Очевидно, артель имела достаточно сил и умения поддерживать завод 10 лет в рабочем состоянии, но не имела средств выкупить завод, его переоборудовать. В итоге в 1899 г. завод за 150 тыс. руб. купил известный уральский заводчик В.А. Ратьков-Рожнов. Следует согласиться с мнением бывшего управляющего заводом инженера Д. Степанова, что «Абаканско-заводская артель показала, что мастеровые и рабочие не могут управлять сами таким сложным делом, им нужны руководители-специалисты» [10]. Действительно, артель в течение всего времени своего существования нанимала техников и управленцев.

В 1899 г. Департамент торговли и мануфактур разработал проект закона об артелях. 1 июня 1902 г. было утверждено «Положение о трудовых артелях». Закон делил артели на уставные и договорные, определял права членов артелей и их обязанности. Артель объявлялась отдельным юридическим лицом, собрание членов которой составляло ее главное управление. Оформление артели требовало длительной процедуры, утверждения Министерством финансов, поэтому они создавались квалифицированными рабочими и ремесленниками в отраслях со стабильными заработками. Образцовый устав для примера и руководства был издан 30 сентября 1904 г. [11].

В Сибири уставные артели не получили широкого распространения. До 1905 г. образовалось только 5 артелей. 18 мая 1903 г. открылась «Первая столлярная ремесленная артель» в Томске из 10 человек [12]. Осенью того же года открылись еще три артели: маляров, кровельщиков и строителей на станции Обь [13]. В 1904 г. стала действовать «Первая томская артель портных» из 10 человек [14]. Они являлись объединениями ремесленников, пытавшихся избежать конкуренции в условиях ограниченного рынка.

Большую часть артелей Сибири, как и Европейской России, составляли традиционные договорные артели, которые официально не регистрировались. Их внутренняя организация зависела от сложности, масштабов, длительности самого промысла, от степени его интеграции в капиталистические отношения.

Обычно артель возглавлял староста – рядчик или подрядчик у строителей, грузчиков, «шишка» у бурлаков, «башлык» у рыбаков. Староста заключал договор с нанимателем, составлял письменный контракт, в котором оговаривались условия найма или поставки (у лесорубов, углежогов, смолокуров, возчиков кладей). В контрактах такая артель юридически выглядела разделенной на подрядчика и нанятых от его имени работников. Юридическую ответственность за выполнение условий договора нес подрядчик-староста. В первой половине XIX в. обычным в контрактах был пункт о круговой поруче нанятой артели.

Староста участвовал в работе личным трудом лишь в свободное от организационных забот время. Он был всегда наиболее развитым, грамотным, опытным специалистом. Вот впечатление современника от подрядчика-каменщика: «... старший у каменщиков всегда чрезвычайно светлая личность, он непременно грамотен, для артели даже образован, всегда трезв и рассудителен, а если к этому мы прибавим еще то, что у него всегда найдутся гроши для того, чтобы помочь при случае артельному, то вот все, что необходимо для того чтобы иметь достаточное влияние на артель» [15]. Староста вел финансовые дела. Обычно старосту выбирала сама артель, однако в ширельных, совошных, бурлацких, пристанских, горных артелях требовалось согласие нанимателя.

Заработок в артелях распределялся поровну только между полноправными членами, староста получал два пая, новички – от четверти до трех четвертей пая. Прием и увольнение из артели происходили по решению общего собрания. Увольнялись из артели за пакость товарищу, за прогулы, за слабость, из-за продолжительной болезни. В ширельных артелях Кяхты во время болезни рабочему платили от четверти до половины пая в течение месяца, покалеченному на работе – в течение трех месяцев. Старики получали полный пай до тех пор, пока были в силах приходить на работу. Можно сказать, что артель не доплачивала молодым холостым работникам и переплачивала старым, обремененным семьями. Хорошим работникам артель прощала прогулы и пьянство, но требовала отработки. На похороны артельных имелись особые деньги. Деньгами артели распоряжался староста, но для проверки его действий назначались счетчики, своеобразная ревизионная комиссия из грамотных и знающих дело работников. При большом объеме работы артель нанимала от себя временных работников с той же или с несколько меньшей, чем у артельных, платой. Артельные, как правило, жили лучше, чем неорганизованные рабочие той же профессии, что давало им законный повод козырять перед прочими, проявлять артельную гордость, вроде цехового патриотизма средневековых ремесленников [16; 17; 18].

Артельный уклад труда и быта был основным и на капиталистических предприятиях горнодобывающих отраслей, на стройках, пристанях, извозе, судоходстве, то есть в тех отраслях производства, в которых было затруднительно формальное подчинение труда капиталу, и последний был вынужден использовать докапиталистические формы организации работы. Чем выше была механизация труда, детальнее формальный контроль, тем меньше наниматели нуждались в услугах артели. Артельные принципы самоорганиза-

ции рабочих, однако, сохранились до сих пор. Подрядные бригады советского времени, например, строились на артельных порядках.

Обычно артели брались за сдельные работы, жили и питались вместе. Формировались часто они из земляков (широко в Сибири были известны артели «семейских» – забайкальских староверов, артели нижегородских и вятских плотников, казанских татар-грузчиков) либо из работников, равных по силе. Лучшие артели на приисках получали самую срочную, наиболее выгодную работу, лучшие места в казармах, лучшее питание, больше порций водки. Им прощались прогулы. Их ненавидели и им завидовали остальные артели. Они были бедой и вырубкой на прииске. Эти приисковые аристократы, грубые самоуверенные молодцы быстрее других изнашивались на работе, быстрее других пропивали здоровье и «ханули», то есть становились негодными для интенсивной работы [19]. Лучшие артели выделялись и среди плотников, грузчиков, землекопов.

Используя артельную организацию труда и быта, предприниматели не только извлекали пользу за счет экономии на издержках управления и надзора, о чем писал Ф. Энгельс, анализируя книгу В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» [20], но и должны были считаться с возможным сопротивлением артели. Круговая порука, спайка и казна артели нередко оборачивались против хозяев, в то же время артель должна была считаться с возможным подкупом своих вожаков. Артель была первой формой организации рабочего движения в России задолго до возникновения у российских пролетариев профессиональных союзов и партий европейского типа. Чувство солидарности проявлялось в том, что считалось доблестью порадеть и пострадать за «общество», то есть за артель. Артель, в свою очередь, старалась защитить вожаков, жестоко расправлялась с хозяйскими холуями и соглядатаями. Практически все стачки мануфактурного периода, имевшие организованный характер, обязаны артельной традиции, артельной дисциплине. Даже в начале XX в., когда в Сибири стали культивироваться современные формы объединения рабочих, артельные традиции продолжали жить и использовались рабочими в случаях организации крупных стачек. Например, основой центрального забастовочного комитета Ленской забастовки 1912 г. были артельные старосты и старосты барачников. Непременной составной частью организующей структуры стачек на каменноугольных копях Сибири были артели забойщиков во главе с артельщиками. Они выполняли ту же роль, что и знаменитые фабричные старосты в Англии.

На принципах договорной артели формировались нелегальные промысловые артели золотоискателей. Артели старателей получили широкое развитие в Сибири с 70-х гг. XIX в., когда была разрешена мелкая золотопромышленность и когда в среде таежного населения закрепились промысловые навыки, накопился слой выброшенных с приисков по разным причинам работников. Старательским артелям с числом рабочих не менее 10 разрешалась аренда промыслов, сдельная работа с оплатой с золотника добытого золота. Старательские золотничные работы приобрели широкие масштабы, а накануне Первой мировой войны старательские артели добывали почти 60 % официально зарегистрированного золота в России [21].

Однако это было не все артельное золото России. Золотое обращение в стране в значительной мере питалось еще и нелегальными промысловыми артелями. Когда гигантские размеры утечки золота заставили правительство пойти на вольную торговлю драгоценным металлом в стране, тогда обнаружилось, что около 30 % всей реальной добычи проходило мимо официальной регистрации в шнуровых книгах приисков [22]. Это и было по большей части вольностарательское золото. Вольное старание в Сибири являлось таким же распространенным промыслом, как и другие, только нелегальным. «Вольный старатель-хищник вовсе не бездомный бродяга ... а полноправный гражданин, домовый крестьянин или мещанин ...», – писал П. Надин [23]. Артели старателей снаряжались по тем же принципам, что и охотничьи, уходившие в тайгу с инструментами, припасами. Небольшие артели вольностарателей проникали в самые отдаленные уголки тайги, преодолевали невероятные лишения в поисках золота. За ними следовали отчаянные люди – таежные торговцы с грузами провизии, оборудования, спирта, скупавшие за все это добро золото. По окончании сезона вольностаратели, если не сбывали золото в тайге легальным промышленникам и торговцам, искали скупщиков или сами продавали металл в Китай.

Трудно переоценить значение вольной артельной золотопромышленности в истории освоения Сибири. Вольные старатели («летучка» или «хищники») открыли наиболее богатые месторождения золота во второй половине XIX – начале XX в. в Северном Китае, на Среднем Витиме, на Зее, на Охотском побережье, в Олекминском округе, на Чукотке, где встретились с такими же вольными золотоискателями из США – протекторами. Находка богатых россыпей вызвала большое стечение старательских артелей со всей тайги. Старатели успевали выбрать как можно больше золота до официальной заявки местности каким-либо золотопромышленником.

Наиболее известна Желтугинская «республика» старателей в Маньчжурии в 1885–1886 гг., которая насчитывала до 12,5 тыс. старателей – русских, китайцев, бурят, корейцев. Все они делились на артели по 10–12 человек. Прииском, растянутым по реке на 15 км, управляли 8, а затем 12 выборных старшин из русских и китайцев во главе с главным старшиной, казначеем, судьей. Был выработан и строго соблюдался «Устав вольных промышленников». Основные вопросы жизни прииска решались на сходке старателей на площади «Орлиное поле». Там же вершились суд и наказание. Совет старшин ведал налогами, решал споры между артелями, устанавливал цены на золото и товары, организовывал оборону прииска от бандитов (хунхузов) и войск. Желтугинская «республика» старателей была разгромлена китайскими войсками с помощью русских властей. Подобные же старательские «республики» образовались в то же время на реках Аркан и Сапожок – по 500–700 работников [24].

Разогнанные старатели в 1892–1893 гг. основали новые прииски на реках Бом и Селемжа в Амурской области, откуда также были изгнаны полицией. В 1896 г. на Миллионном ключе по реке Гиллой собралось «Общество вольных старателей Зейской и Гиллойской систем» числом до трех тысяч человек с порядками, как на Желтуге. Работы велись артельно, прииском управляли старшины, трое из которых составляли высший совет [25]. В 1898 г. на реке

Королон в Баргузинской тайге работали до 500 вольностарателей (90 артелей) до той поры, пока прииск не заявил Я.Д. Фризер. Мировой судья, посетивший Королонскую «республику», описал работы и устройство старательского общества: «... хищники работали отдельными артелями, а для порядка ими заведено было свое самоуправление: на общей сходке был избран староста и двое десятских, получавших более чем приличное вознаграждение; на уплату им жалованья, на вспомошествование больным и другие нужды хищнического общества хищники-торговцы были обложены особым сбором в размере от 2 до 4 золотников золота» [26]. В Амурской тайге в том году, по сведениям горной полиции, бродили не менее 13 тыс. вольных старателей [26].

В начале XX в. старатели перенесли центр своей деятельности в район реки Жуя в Олекминском округе, где обнаружили богатейшие россыпи золота и где добились от властей фактической легализации [27]. В обжитых районах Сибири горная полиция также постоянно и безуспешно воевала со старательской вольницей. Старательские артели были легализованы в 1923 г., когда А.И. Рыков подписал «Правила разработки золотосодержащих участков старателями в Дальневосточной области» [28].

Артели рабочих, как уставные, так и договорные, исследователи справедливо считают производственными кооперативами. Относятся к таковым и артели вольностарателей [29].

Довольно рано познакомились сибирские рабочие и с другими экономическими объединениями – потребительскими кооперативами. Первой попыткой такого рода была организация кооперативной потребительской лавки на Петровском металлургическом заводе в 1864 г. Декабрист И.И. Горбачевский, имевший большое влияние на местное население, ознакомил кузнеца А. Першина, избранного волостным головой, со статьями Добролюбова в журнале «Современник» о рабочих ассоциациях в Западной Европе. А. Першин предложил на волостном сходе открыть коллективную лавку для торговли продуктами. Несмотря на высокий пай – 5 руб., сразу был составлен капитал в тысячу рублей, а, значит, нашлось около 200 пайщиков. Остальные работники завода тоже не были лишены права покупать продукты в лавке. Мясная общественная лавка просуществовала на заводе с апреля по октябрь 1864 г. Рабочие сами выбрали маркитантов, закупили и пустили в продажу мясо по 5 коп. фунт, а затем – по 2,72 коп. за фунт вместо прежних 8 коп. за фунт у частных торговцев. Управление завода поощряло действия рабочих, но осенью рабочие не смогли набрать 20 тыс. руб. для зимней закупки мяса, и вернулись прежние порядки. Неудача объяснялась не только неопытностью кооператоров, не создавших оборотный капитал, но и господством крупных оптовых сделок в Забайкалье того времени [31].

Петровский завод также оказался единственным предприятием в Сибири, рабочие которого не отказались от устройства горнозаводского товарищества, разрешенного положением от 8 марта 1961 г. В отличие от таковых на Урале, оно не получило официального утверждения. До 1970 г. оно существовало без устава и правления. Деятельность его выражалась в сборе взносов и выработке правил. Нерчинское заводоуправление разрешило открыть товарищество 13 января 1870 г., но лишь в начале 1873 г. было избрано правление – горнозаводской приказ и назначен председатель. Кассиром был избран

мастер И. Филонов. Целью общества была выдача пенсий и пособий. Сравнительно высокий взнос – 3,6 руб., а для пудлинговых и формовых мастеров – 2,4 руб. – ограничил круг участников товарищества квалифицированными рабочими и служащими. В 1875 г. в товариществе состояли 196 чел., в 1881 г. – 148 чел., то есть половина рабочих завода. По положению полная пенсия (120 руб.) должна была выдаваться за 35–40 лет работы. Дожить до этого было мало надежды, рабочих привлекала возможность получить ссуду, товары и продукты в кооперативной лавке. Организация потребительского кооператива «Общая польза» в 1871 г. (74 члена) не была предусмотрена официальным положением о горнозаводских товариществах и была плодом самодельности работников завода. В 1874 г. товарищество закупило и продало своим членам продуктов на 3 тыс. рублей с 7 % надбавкой против оптовых закупочных цен. Обычная надбавка частных торговцев составляла до 100 %. В 1881 г. капитал товарищества составлял уже 20 тыс. руб. Но в целом для трехтысячного населения поселка деятельность кооператива была недостаточной [32].

В начале 1890-х гг. были предприняты попытки создания потребительских обществ на Риддеровском и Зырянском рудниках и Гурьевском заводе в Алтайском округе Кабинета. Дела об их учреждении долго ходили по разным министерским канцеляриям. В 1897 г. открылось Зырянское общество, в 1898 г. – Гурьевское с типовыми уставами [33; 34; 35]. Такое же общество было образовано на Головинских каменноугольных копях Черемховского бассейна по инициативе управляющего копиями инженера П.И. Пальчинского. В него вошли 26 учредителей из числа служащих и рабочих. Сведений о его деятельности не обнаружено. Вероятно, оно, как и Зырянское, прекратило свои действия в связи с временным закрытием предприятия [36].

Другой отраслью народного хозяйства, где существовали потребительские кооперативы, являлась железная дорога. В 1895 г. на станции Тюмень было открыто отделение потребительского общества служащих Пермской железной дороги [37]. С 7 мая 1898 г. по 1907 г. действовало «Общество потребителей почтово-телеграфных чинов г. Читы» [38]. В том же году начало действовать Общество потребителей Сибирской железной дороги. Первоначально функционировало Томское отделение, затем – Омское, Иланское, Красноярское, Иннокентьевское, Зиминское, Боготольское, Каинское, Карачинское, Тайгинское, Нижнеудинское, Тайшетское, Тулуновское. В 1904 г. оборот общества составил 16 тыс. руб. Общество было административно зависимым, получало ссуды от управления Сибирской железной дороги, много задолжало и было объявлено несостоятельным до 1 января 1912 г. [39].

Другая судьба ждала открывшееся 16 октября 1899 г. Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги. Оно превратилось в крупнейший в России потребительский кооператив. В 1899 г. общество имело 2 отделения – в Сретенске и Чите. Оборот его составлял 27,5 тыс. руб. В 1913 г. оборот операций общества достиг 3250 тыс. руб. в 16 отделениях на станциях Иркутск, Мысовая, Верхнеудинск, Петровский завод, Маритуй, Сретенск, Оловянная, Борзя, Слюдянка, Адриановка, Хвойная, Шарыжалгай, Дровяная, Маньчжурия, Харбин, Глазково [37; 40; 41]. В обществе состояло

24,3 тыс. членов. Кроме этого кооператива, непродолжительное время в 1904–1907 гг. в Чите на железной дороге действовал потребительский кооператив рабочих, который был членом-пайщиком Московского союза потребительских обществ. Он не имел поддержки администрации железной дороги и скоро закрылся [41].

Общими чертами всех потребительских кооперативов Сибири было их возникновение на казенных или кабинетских предприятиях, то есть там, где распорядитель дела – администрация была заинтересована в их существовании. Слабость инфраструктуры и торговой сети в Сибири заставляла предпринимателей, хотели они того или нет, заниматься снабжением рабочих всем необходимым. Управления казенных предприятий, не имевшие материальной заинтересованности в организации системы снабжения за счет Казны, предпочитали перепоручить это самим рабочим и служащим, поддерживая инициативу ссудами. Общество на Сибирской железной дороге оказалось неспособным конкурировать с частной торговлей. Забайкальское общество не имело сильных конкурентов и получило возможность стать мощной монополией. Единственное потребительское общество на частном предприятии – Головинских копиях – обязано своим недолгим существованием либерализму П.И. Пальчинского. Потребительские общества, по сравнению с хозяйскими лавками, предполагали минимум торговой прибыли, поэтому существенно облегчали положение пайщиков. Основной массе рабочих Сибири потребительские кооперативы стали знакомы после первой русской революции, а широкое развитие получили в период Первой мировой войны.

Другим типом экономических организаций, легальных и административно зависимых, были кассы взаимопомощи. Первые из них открылись в Салаирском крае. На Гурьевском заводе Кабинета в 1870 г. образовалась касса взаимопомощи служащих из 85 членов. В 1876 г. в селе Гурьевском образовалось сельское ссудосберегательное товарищество, куда входили и рабочие завода. Другое товарищество образовалось в селе Салаирском в 1877 г. В него входили и рабочие Салаирского рудника [42; 43]. Позднее, в 1888 г., на Гурьевском заводе открылась ссудосберегательная касса служащих и рабочих. Она имела 24–34 члена и занималась благотворительностью и выдачей возвратных ссуд [42; 44].

Легальные кассы взаимопомощи организовывались только приказчиками и типографскими рабочими, то есть наиболее развитыми в культурном отношении профессиональными группами рабочих. Немалую роль в этом играли прогрессивность и либерализм хозяев. Так, 5 июля 1897 г. открылась касса Торгового дома Бадмаева в Чите, 17 апреля 1900 г. – Томское отделение ссудосберегательной кассы фирмы «Печатня С.П. Яковлева» при типографии с 70–80 членами [45; 46]. В 1903 г. П.И. Макушин открыл в своей Томской торговой фирме ссудосберегательную кассу, а в 1904 г. так же поступила фирма Смирновых в Барнауле [47; 48].

Более распространенными среди городских рабочих, чем кассы, были общества взаимопомощи, особенно у приказчиков. Первое узкокорпоративное «Общество взаимного вспоможения приказчиков в г. Иркутске» начало действовать 20 марта 1883 г. Оно оставалось и наиболее многочисленным (1883 г. – 151 член, 1903 г. – 369 членов), наиболее влиятельным обществом

взаимопомощи в Сибири. Кроме выдачи ссуд, оно занималось культурной, благотворительной деятельностью. В 1884 г. при обществе была открыта библиотека, а в 1895 г. – клуб, в 1899 г. – бесплатная начальная школа для детей. Реальным достижением общества было установление в 1889 г. воскресного отдыха для приказчиков. Общество не соблюдало классового принципа при формировании, членами его были и хозяева фирм, и доверенные, и приказчики. Идиллия разрушилась к концу 1890-х гг., когда усилился классовый антагонизм, а в общество вошли политические ссыльные. В 1904 г. конфликт с хозяевами, нарушившими договор о воскресном отдыхе приказчиков, принял острый характер: 244 приказчика подали в Совет общества петицию с протестом против нарушения договора 1889 г., а 18 декабря 1904 г. Общество подало правительству России петицию с требованием восьмичасового рабочего дня и признания права на создание профессиональных союзов [49]. Эта петиция получила поддержку многих обществ приказчиков России и приобрела всероссийский резонанс [50].

Вторым в Сибири образовалось общество приказчиков Томска – в 1892 г. Затем последовало открытие обществ в Кяхте и Тюмени (1895 г.), в Омске (1896 г.), в Барнауле (1901 г.), в Чите (1902 г.), Сретенске (1903 г.), Тобольске (1904 г.). «Общество взаимопомощи личного труда», созданное в Барнауле по инициативе ссыльных народников в 1901 г. и состоявшее первоначально из торгово-промышленных служащих, в 1904 г. преобразовалось в общество взаимопомощи приказчиков и ремесленников [51].

Общества приказчиков, как правило, были немногочисленными, возникали в крупных торговых центрах, охватывали 10–20 % общего числа служащих и рабочих. В них не принимались чернорабочие. Деятельность обществ ограничивалась просветительской работой и главным образом – выдачей ссуд и пособий своим членам. Чтобы дать представление о составе и деятельности таких обществ, приведу пример Томского общества приказчиков. Учредителями его были 42 приказчика торговых и промышленных заведений, подавших прошение об открытии общества 16 октября 1890 г. Почти год проект рассматривался в Томском губернском управлении и Министерстве внутренних дел, 24 сентября 1891 г. в исправленном виде проект был представлен губернатору. Устав был утвержден лишь 21 января 1892 г., а 19 апреля общество открыло свою деятельность. Типовой устав, взятый за основу, предусматривал, что цель общества заключалась в распространении полезных знаний, в выдаче пособий и ссуд, в поиске мест для безработных членов общества, в оказании врачебной помощи, в воспитании детей. В соответствии с уставом общество также могло открыть приют для престарелых, лечебницу, библиотеку, школу, организовать уроки бухгалтерии, устраивать чтения, открыть клуб. Десятый параграф устава предусматривал действительное, почетное членство и членов-соревнователей. Одиннадцатый параграф исключал членство в обществе простых рабочих и ремесленников. Взносы делились на три разряда – от 10 до 25 руб. в год. Членами-соревнователями становились уплатившие более 100 рублей одновременно, тем самым в общество привлекались состоятельные люди. Вспомогательная касса предполагалась к открытию через 15 лет после начала действия общества по мере накопления капитала.

По отчету за 1892/93 г. общество имело 151 члена, в том числе доверенных, конторщиков и прочих служащих – 78, мастеров промышленных заведений – 2, приказчиков – 71, членов-соревнователей – 28, почетных членов – 4, среди них – Томского губернатора, епископа Макария. Капитал общества составлял 14,5 тыс. руб. В 1894 г. при обществе открылась библиотека, а в 1903 г. – касса взаимопомощи. На случай смерти выдавались пособия, и была организована врачебная помощь [52].

В Томске же была предпринята попытка открытия Общества взаимопомощи женщин-служащих торгово-промышленных заведений. В октябре 1898 г. 29 учредительниц подали прошение об утверждении устава. Общество начало функционировать 10 ноября того же года, но устав его не был утвержден министром внутренних дел, что автоматически влекло за собой закрытие общества [53].

В Томске действовало и единственное в Сибири общество взаимопомощи типографских рабочих. Особенностью его было то, что оно образовалось по инициативе социал-демократов города и ими контролировалось, хотя в общество входили и социалисты-революционеры и областники. Выросло общество из кассы взаимопомощи типографских рабочих, которая возникла в конце 1899 г. В 1900 г. касса действовала как общегородская стачечная касса и насчитывала сотню членов. Председателем ее был социал-демократ Николай Иванович Дербышев, секретарем – социал-демократ Николай Баранов (Урубков) [54; 55]. Есть упоминания о том, что стачечная касса действовала также в столярной мастерской Тренцова [56].

В 1901 г. стачечная касса была легализована в виде «Общества взаимопомощи книгопечатников», куда, кроме рабочих и служащих типографий, вошли журналисты, интеллигенция города. В обществе в 1901 г. состояли 85 членов, в 1902 г. – 116, в 1903 г. – 70 членов. Первое правление общества состояло из одних социал-демократов: председатель – служащий управления Сибирской железной дороги В.П. Булыгин, кассир – наборщик И.М. Барашков, заместитель председателя – наборщик Д.М. Калико, секретарь – Н.В. Баранов, члены правления – В.Е. Воложанин и В.И. Федоров. В феврале 1902 г. председателем правления был избран политический ссыльный эсер С.П. Швецов, членами правления – социал-демократы В.П. Булыгин, И.М. Барашков, Н.С. Колмаков, Д.М. Калико, Е.Е. Кононов, в ревизионную комиссию вошли либерал, частный поверенный и журналист В.А. Долгоруков, социалист-революционер, адвокат М.И. Вознесенский, социал-демократ, чиновник по особым поручениям И.Е. Овсянкин, а также В.И. Федоров, политическую принадлежность которого полиция определить затруднилась. В членах общества числились 56 политически неблагонадежных личностей, в том числе 29 социал-демократов, 4 социалиста-революционера, один либерал и областник Г.Н. Потанин [57].

В июле 1902 г. общество стало чисто рабочей организацией. Причиной разрыва интеллигентов и рабочих послужил конфликт в типографии П.И. Макушина. Рабочие 19 июля потребовали сократить рабочий день накануне воскресных и праздничных дней и явочным порядком ушли с работы на два часа раньше положенного. П.И. Макушин уволил организаторов стачки – социал-демократов А.М. Дробышева и Е.Е. Коконова. В ответ Общест-

во книгопечатников исключило из своих рядов П.И. Макушина и вернуло ему взнос члена-соревнователя – 100 рублей. В знак солидарности с П.И. Макушиным из общества ушли Г.Н. Потанин, С.П. Швецов и другие общественные деятели Томска [58; 59].

Дело получило широкий резонанс в Сибири, чему способствовала длительная газетная война между Обществом книгопечатников и П.И. Макушиным. Е.Е. Кононов и А.М. Дробышев через мировой суд добились отмены незаконного увольнения. В газетных фельетонах немало писалось о лицемерии Макушина и эксплуататорской сущности либерала-просветителя, у которого был самый продолжительный рабочий день, самые плохие условия труда в типографии и в значительных масштабах применялся труд детей [60]. Надо сказать, что П.И. Макушин был прижимистым, аскетичным человеком, он экономил на всем, что не касалось просвещения, в том числе и на рабочей силе. Общество книгопечатников Томска было наиболее радикальным из рабочих организаций Сибири.

«Общество взаимного вспомоществования занимающихся ремесленным трудом в г. Томске», наоборот, было наиболее консервативным. Оно было создано в 1903 г. на месте упраздненной ремесленной управы и унаследовало имущество и капитал управы – 35,5 тыс. руб. Бывший ремесленный голова Г.И. Медведчиков стал председателем общества. В нем в 1903 г. состояли 130 членов, в 1905 г. – 200 членов (хозяев ремесленных заведений, наемных мастеров). Основной функцией общества была выдача ссуд, пособий по бедности, по безработице. Общество имело школу, нанимало врача, акушерку, организовывало покупку товаров со скидкой, содержало кружок драматического искусства. Пример общества ремесленников показывает, как была модернизирована старая сословная средневековая корпорация. В годы первой русской революции Общество ремесленников активно поддерживало «Союз 17 октября» и «Партию народной свободы» [61; 62; 63].

Всего в Сибири было создано рабочими за вторую половину XIX в. и в первые годы XX в. 39 экономических объединений с 2,4 тыс. членов, в том числе 17 уставных производственных и потребительских кооперативов, 9 касс и 13 обществ взаимопомощи [51]. Таким образом, организованное экономическое движение в Сибири в это время лишь зарождалось, охватывало менее 1% работников и не могло оказать существенного влияния на положение рабочих. Значительно большее влияние на экономическую жизнь Сибири имели договорные артели, составлявшие организационную основу процесса труда в строительстве и добывающей промышленности. Государственные учреждения и предприниматели в своих действиях были вынуждены считаться с этой народной формой организации труда и быта.

Литература

1. *Зиновьев В.П.* Традиции артельного труда в Сибири в XIX – начале XX в. // Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. М.: ИВИ РАН, 1993. С. 241–252.

2. *Зиновьев В.П.* Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX в.). Омск, 1994. С. 26–38.
3. *Исаев А.А.* Артели в России. Ярославль, 1881. С. 55, 83–95.
4. *Китанина Т.М.* Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг. Л., 1991. С. 273–274.
5. Государственный архив Красноярского края. (ГАКК). Ф. 595. Оп. 17. Д. 7787. Л. 1–297.
6. *Корженевский В.* Итоги Абаканской артели // Восточное обозрение, 1894. 8, 13 апр.
7. *А-въ В.* На Абаканском заводе // Сибирская жизнь, 1900. 27 июня.
8. *Сибирский вестник.* 1894. 24 апр.
9. *Вестник золотопромышленности и горного дела вообще,* 1895. № 14. С. 288; 1896. № 1. С. 15.
10. *Степанов Д.* Абаканский чугуно-плавильный и железоделательный завод // Вестник золотопромышленности. 1893. № 2. С. 127.
11. *Краснокутский В.* Артель // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 2-е стереотипное изд. М., Т. 3. С. 577–579.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 233. Оп. 2. Д. 2713. Л. 162–163.
13. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 149. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2.
14. *Восточное обозрение.* 1904. 8 авг.
15. *А.А.* Пароходно-рабочая артель в Западной Сибири // Сибирь. 1877. 27 нояб.
16. *Птицын В.* Кяхтинские рабочие артели // Русская мысль. 1891. Май. С. 133–136.
17. *Артели совошников* // Сибирская газета. 1888. 28 февр.
18. *Белковязь* // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1889. Т. 20, № 1. С. 70–71.
19. *Корнев Е.Н.* Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской области. СПб., 1903. С. 66–67.
20. *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. С. 542.
21. *Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности.* Пг., 1915. С. 21.
22. *Золото* и платина. 1916. № 3–4. С. 55.
23. *Надин П.* Хищники и золотопромышленники на Амуре // Русская мысль. 1898. № 2. С. 150.
24. *Лебедев А.* Желтугинская республика в Китае // Русское богатство. 1896. № 9. С. 143–172.
25. *Васильев Е.И.* Миллионный ключ // Горный журнал. 1897. Т. 1. С. 109–112.
26. Российский государственный архив Дальнего Востока (РГА ДВ). Ф. 702. Оп. 2. Д. 126. Л. 97–98.
27. *Садовников И.Ф.* Систематический указатель к карте золотопромышленного района Олекминского горного округа. СПб., 1909. С. 25–33.
28. *Горный журнал.* 1923. № 12. С. 884.
29. *Мухин А.А.* Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 102–103.
30. *Ушаков А.В.* Борьба за единство рабочего класса России. М., 1981. С. 102–103.
31. *Першин А.* Воспоминания старожила // Забайкалье. 1902. 3, 26 апр.
32. *Герасимов М.* Горнозаводское товарищество в Нерчинском горном округе // Горный журнал. 1975. Т. IV. С. 95–116.
33. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 22. Д. 1013. Л. 2–18; Оп. 23. Д. 37. Л. 2–3.
34. ГАТО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 4219, Л. 2–18.
35. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 160. Оп. 5. Д. 26. Л. 132.

36. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3348. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–6.
37. *Список всех потребительских обществ России как действующих, так и закрытых на 1 янв. 1912 года.* СПб., 1912. С. 169.
38. *Коряков И.А.* Общество потребителей почтово-телеграфных чинов (1898–1907 гг.) // *Проблемы краеведения.* Чита, 1966. Вып. 3. С. 52–53.
39. *Зиновьева В.И.* Хроника создания рабочих организаций Западной Сибири (1876–1907 гг.) // *Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма.* Томск, 1985. С. 176–191.
40. Государственный архив Читинской области. Ф. 1(О). Оп. 1. Д. 4437, Л. 244, 247, 253–254, 355–356.
41. *Коряков И.А.* Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги // *Проблемы краеведения.* Чита, 1966. Вып. 3. С. 48–51.
42. ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.
43. *Поникаровский Д.* Сельские общества Салаирской волости // *Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.* Омск, 1880. Кн. 4. С. 1–58.
44. Государственный архив Кемеровской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 12–54
45. *Сибирский вестник.* 1901. 19 сент.
46. ГАЧО. Ф. 1(О). Оп. 1. Д. 3668. Л. 5.
47. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5607. Л. 6;
48. ГАНО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 29. Л. 9.
49. *Очерк движения служащих Иркутска.* 1883–1924. Иркутск, 1927. С. 4–8.
50. *Иванова Н.А., Шелохаев В.В.* Торговые служащие в революции 1905–1907 гг. // *Исторические записки.* 1973. № 101. С. 171–172.
51. *Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика:* В 3 т. Т. 1: XVII – 1904 г. Томск, 1988. С. 197–310.
52. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2337. Л. 1–29.
53. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4212. Л. 1–2.
54. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–78.
55. *Томский печатник.* Томск, 1926. С. 2–3.
56. ГАНО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 19; Д. 63. Л. 19.
57. ГАРФ. Ф. ДП-ОО, 1904. Д. 2025. Л. 5–46.
58. *Восточное обозрение.* 1902. 24 авг.
59. ГАРФ. Ф. ДП-ОО, 1904. Д. 2025. Л. 1–16.
60. *Сибирский вестник.* 1902. 8 авг., 4 сент.
61. ГАТО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 574. Л. 1-574; Д. 571. Л. 8–49.
62. *Сибирская жизнь.* 1905. 11 авг.
63. *Сибирский вестник.* 1903. 13 нояб.